

УДК 781.7(476)
ББК 85.315.3(4Бел)

В.В. КАЛАЦЕЙ, К.И. РЕМИШЕВСКИЙ

БЕЛОРУССКАЯ ДУДА В КИНОХРОНИКЕ 1930-х ГОДОВ¹

С использованием методов аудиовизуальной антропологии, компаративного искусствоведческого анализа, а также методов типологизации и историзма проведено комплексное исследование условий бытования традиционного музыкального инструмента белорусов — дуды (белорусской волынки) — на Подвиньи. В результате исследования кадров архивной кинохроники в научный обиход введена видеозапись исполнения на белорусской дуде, проанализированы особенности морфологии и органологии дуды белорусов.

Ключевые слова: дуда (белорусская волынка), советская кинодокументалистика довоенного периода, киножурнал «Советское искусство», этномузыкология, аудиовизуальная антропология, дударские дуэты, исполнительская практика.

Дуда или белорусская волынка — язычковый аэрофон с резервуаром для воздуха с одинарной тростью и бурдоном (басовой трубкой), широко распространенный в центральной и северной Беларуси инструмент (рис. 1) для аккомпанемента танцам и обрядам. Для белорусской волынки характерны плагальный строй (с субквартой) и так называемая закрытая аппликатура, которые обеспечивают специфическую волынковую манеру звучания музыки; бурдон, благодаря которому возникает эффект многоголосья — мелодия в связке с одним или несколькими (в волынке-матянке) басами (рис. 2). Волынка в Европе упоминается с I—II вв. [1, с. 11], дуда в Беларуси — с XV—XVI веков [2, с. 150].

Аутентичные виды белорусской дуды, восходящие к традиции XVI—XVII вв., почти полностью перестали встречаться на территории Беларуси к середине XX века. Первые признаки постепенного исчезновения этого древнего музыкального инструмента следует датировать концом XIX века. Наиболее разрушительным для дуды периодом

принято считать 1920—1930-е годы. Именно в эти десятилетия ушли из жизни многие известные носители традиционного дударского исполнительства. Специфический и неповторимый репертуар для исполнения на дуде либо безвозвратно утрачивался, либо частично переносился на другие инструменты. Вместе с носителями дударской традиции были почти полностью утеряны важные секреты изготовления инструментов.

Кинодокументы, запечатлевшие старых мастеров, морфологию традиционной белорусской дуды или исполнительскую дударскую практику 1920—1930-х годов, к сожалению, до настоящего времени не выявлены.

Своеобразной научной сенсацией — хронологически наиболее ранним и пока единственным кинохроникальным документом, зафиксировавшим белорусов-волынщиков довоенного периода с аутентичной манерой исполнения и инструментами рубежа XIX—XX веков, является фрагмент из киножурнала «Советское искусство» (№ 7, 1939). Этот чрезвычайно интересный и информационно насыщенный хроникально-документальный материал был обнаружен, атрибутирован, описан и введен в научный оборот в ходе выполнения задания № 11 научного раз-

¹ По материалам киножурнала «Советское искусство» (1939, № 7).

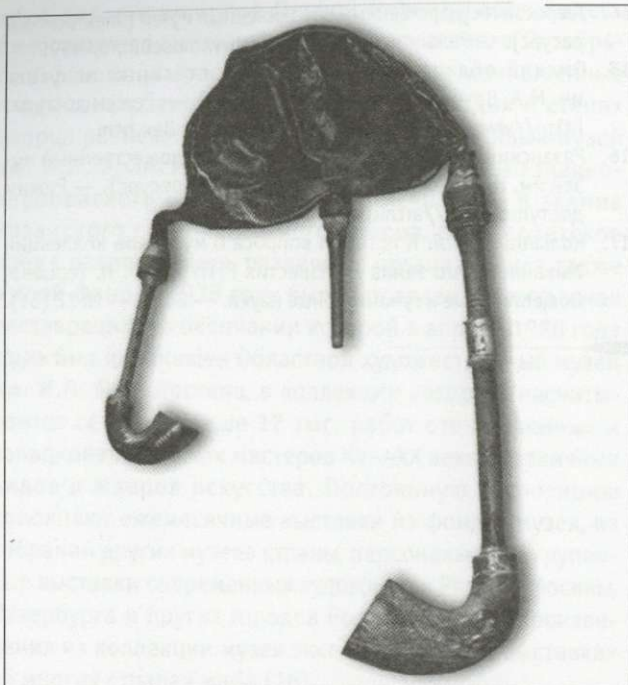

Рис. 1. Однобурдонная белорусская дуда. Конец XIX века. Этнографический музей, Санкт-Петербург

дела Государственной программы «Культура Беларуси (на 2011—2015 гг.)» [3, с. 38].

С точки зрения постижения возможностей аудиовизуальной антропологии представляет значительный интерес тот контекст, который в непростых условиях лета 1939 года сопутствовал созданию этого специального выпуска киножурнала «Советское искусство», вышедшего во всесоюзный прокат под названием «Песни и танцы белорусского народа». В июле 1939 года, впервые за всю историю советской кинопериодики, белорусской культуре был посвящен отдельный, специальный выпуск всесоюзного киножурнала. Режиссера журнала Николая Кармазинского — выпускника Литературно-художественного института им. В. Брюсова, человека всесторонне образованного и творчески изобретательного — следует отнести к числу наиболее интересных фигур советской документалистики довоенного периода. На момент создания тематического выпуска «Песни и танцы белорусского народа» в творческом багаже режиссера были и масштабные документальные ленты, и многие сотни хроникальных сюжетов. Создание специального выпуска, посвященного белорусской народной музыкальной и хореографической культуре, диктовалось необходимостью проиллюстрировать ход подготовки к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, открытие которой планировалось на 1 августа 1939 года.

Режиссер Н. Кармазинский, ограниченный десятью минутами экранного времени, еще на этапе постановочного сценария должен был осуществить выбор фрагментов и, по возможности, сконструировать неигровое экранное повествование по законам драматического произведения. С целью преодоления фрагментарности и эклектичности

был смоделирован двухминутный пролог, включавший презентацию аутентичного белорусского дударского мелоса (с этого, наиболее интересного для современного исследователя материала, собственно и начинается киножурнал!), а также фрагмент национального танца «Юрочка». Высокий профессионализм съемочной группы проявился и в удачном выборе натуральных ландшафтов (съемки проводились в 80 километрах от Минска, в живописных уголках бывшего Игуменского, ныне — Червенского района), и в организации съемок «по направлениям», и в умелом управлении костюмированной массовой, состоящей более чем из 120 участников.

Задача документалистов усложнялось еще и тем, что, как и было указано в заглавных титрах («художественная самодеятельность колхозов, совхозов и МТС БССР, посвященная Всесоюзной сельскохозяйственной выставке»), в кадре должны были присутствовать только непрофессиональные исполнители. Даже их частичное дублирование артистами фольклорных академических коллективов было невозможно, поскольку это сразу же разрушило бы ощущение достоверности отснятого материала.

В рамках идеологической парадигмы построения сюжета авторы умело чередуют музыкальные и хореографические номера, находят логичную пропорциональность между национальными традициями и тенденциями, привнесенными из вне. Хореографическая композиция «Лен», пластика которой построена на имитации сельскохозяйственных процессов обработки льна, в титрах выпуска названа «колхозной песней». Старинная народная песня «Ой, в лузе, лузе», «Речицкие частушки» и другие музыкальные фрагменты снимались под заранее записанную фонограмму, что позволило авторам сосредоточиться на раскадровке и композиции кадра. В качестве заключительного эпизода киножурнала и одновременно апофеоза народного праздника был выбран народный танец «Метелица» (в титрах на русском языке зафиксирована норма старинной орфографии — «Мятелица»).

Завершая краткое описание структуры выпуска киножурнала «Советское искусство», следует отметить, что первая всесоюзная премьера белорусского любительского искусства средствами кинопублицистики прошла весьма достойно. Ориентировочная численность советских зрителей, которые увидели выпуск киножурнала в период с августа по декабрь 1939 года, составляет не менее 11 млн человек.

Что касается важнейших компонентов экранной выразительности, то можно утверждать: продемонстрированное авторами документального выпуска мастерство без преувеличения находится на уровне лучших мировых образцов того времени [3].

Включению в монтажный ряд кадров с исполнителями на дуде — белорусской волынке — зрители обязаны режиссеру. Благодаря его скрупулезному историзму в раскрытии темы белорусской народной культуры, эрудиции и высочайшему профессионализму сегодня есть возможность изучить, как выглядела и функционировала волынка в рамках аутентичной традиции в последние годы

своего «живого» бытования в сельской среде довоенной Беларуси.

Кадры дуэта волынщиков (этномузыкология до сих пор не имела изображений не сольного исполнительства на белорусской дуде носителей аутентичной традиции), которыми открывается белорусский спецвыпуск общесоюзного киножурнала, — несут огромный символический смысл и формируют особую парадигму этнокультурной идентичности белорусского народа. По сути, режиссер Н. Кармазинский извлек из небытия и воскресил забытую еще в конце XIX века традицию маркировать этническую тему белорусов (или белорусского этнического искусства) дударской символикой [4, с. 7; 5, с. 241].

Морфология дуды — волынки белорусов — в кадрах киножурнала предстает в параметрах, позволяющих классифицировать музыкальные инструменты из кадров хроники как совершенные и характерные образцы традиционной материальной культуры белорусов первой половины XX века. Они полностью соответствуют традиционным, функционально проработанным канонам разработки, исполнения и эксплуатации, совершенны с эстетической точки зрения.

Деревянные части волынок темного (вероятно, черного) цвета. Оба инструмента — так называемые «одногукковые» (с одним бурдоном). Роговни (насадки на игровых трубках) — закругленной формы: в одном инструменте — округлой сферической формы, в другом — более вытянутой «клюшкоподобной» формы. Форма роговней составляет своеобразный ансамбль с формой меха: в первом инструменте: «шейка» воздушного мешка (которая «ведет» к жалейке) короткая, в другом — более длинная. Все деревянные части довольно тонкой обработки — поверхность гладкая, почти полированная. Инкрустация металлом, как на известной волынке из Лепельского музея Витебской области, отсутствует. Роговень жалейки и бурдона инструмента обиты по краю металлическими гвоздями с декоративными шляпками. Подобный тип украшения роговня бурдона ранее в научной литературе не фиксировался, хотя упоминался в устных сообщениях носителей региональной фольклорной традиции и, вероятно, был характерен для белорусского Подвинья. Первый инструмент металлических украшений не содержит, в отличие от второго — сравнительно небольшого и хорошо инкрустированного. Второй инструмент выглядит более колоритно, празднично и легковесно, чем более крупный первый — стильный, аскетичный и основательный. Кстати, эти характеристики в полной мере присущи и хозяевам инструментов — исполнителям на дудах. Каков дударь — таков и инструмент!

Рис. 2. Многобурдонная белорусская дуда-матянка. Начало XX века

Жалейки волынок имеют по семь игровых отверстий (6 — на внешней стороне и 1 — «октавная» — на внутренней) довольно большого диаметра. Каждое отверстие дополнено врезным в корпус жалейки округлым «усилением», обеспечивающим удобную постановку пальца на отверстие. Диаметр самих жалеек тоже довольно большой. Обе жалейки снабжены деревянными роговнями. Их форма повторяет форму роговня на бурдоне волынки. Так создается индивидуальный стилистический ансамбль инструмента. Соски (духовые трубки) имеют коническую или цилиндрическую форму.

Мешок (мех) волынок — темный (черный), но покрыт тканой (льняной) накидкой светлого цвета, что обычно характерно для словацких волынок-гайд. В нашем случае — мех белорусской волынки покрыт тканой накидкой. Поскольку на других известных белорусских дудах подобных деталей ранее не фиксировалось, вопрос об аутентичности тканых накидок для них, запечатленных на кадрах кинохроники 1939 года, весьма интересен для специалистов-инструментоведов, хотя остается открытым.

Возможны следующие варианты возникновения отличий:

- 1) накидка на кожаный мешок — аутентичная локальная этнографическая особенность, характерная для места постоянного проживания приглашенных для съемок музыкантов;

- 2) накидка на мех — обязательный или факультативный элемент сезонной (летней) эксплуатации инструмента на Подвинье. Возможно, эта особенность не фиксировалась ранее, поскольку большинство известных фотографий волынщиков с инструментами было сделано в относительно прохладные периоды осени или ранней весны;

3) авторская группа фильма из эстетических побуждений попросила музыкантов покрыть черную смоленую кожу светлой тканью на период съемки.

Наиболее вероятным представляется второе объяснение. Дело в том, что накидка на мех выглядит довольно изящной, правильно скроенной и идеально «подогнанной» по размеру инструмента, чего было бы трудно достичь при быстром изготовлении по просьбе съемочной группы. Вместе с тем, накидка на мех достаточно новая, не затертая в результате эксплуатации. Следовательно, факт постоянного, «мультисезонного» использовании почти исключен. В пользу «не случайности» тканой накидки косвенно свидетельствует и использование мотков ткани в качестве сурдин, что характерно для обоих исследованных инструментов, донесенных до нас кинохроникой. Таким образом, белорусский лен был включен в дударский «технологическо-производственный тезаурус», в морфологию инструмента — наряду с кожей, деревом и металлом.

Анализ дударской музыки из фонограммы хроникального сюжета — предмет отдельного исследования. Необходимо отметить, что органология зафиксированного в фонограмме музыкального памятника свидетельствует об устойчивой и высокохудожественной дударской культуре Беларуси, которая культивировалась много поколений. Несмотря ни на что, и в 1930-е годы «дударский цех Беларуси» еще имел в своих рядах выдающихся представителей.

По сведениям, обнаруженным в архивных документах, — обоим музыкантам пригласили с Севера Беларуси, из региона белорусского Подвинья. В результате архивных изысканий удалось выяснить, что в июне 1939 года, когда Н. Кармазинский вел подготовку к съемкам киножурнала о белорусском официальном самодеятельном искусстве, найти исполнителей на дуде с первой попытки не

получилось. Однако режиссер настаивал на обязательном включении дударского мелоса в киножурнал. Буквально за неделю до съемок, в конце июня 1939 года, в одной из деревень Городокского района Витебской области на берегу озера Лосвидо удалось найти двух исполнителей с собственными инструментами.

Методы аудиовизуальной антропологии позволили распутать сложный клубок неясностей и умолчаний. Запечатленные в кинохронике 1939 года исполнители на дудках — коренные жители одной из трех деревень, расположенных вокруг озера: Большое Лосвидо, Малое Лосвидо или Батали.

Список литературы

1. *Морганштерн У.* История волынки и современная волыночная мифология (иногда коза — это просто коза) // Аўтэнтчны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання: зборнік навуковых прац удзельнікаў VI Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 27—29 красавіка 2012 г.) / БДУКМ; рэдкал.: М.А. Мажэйка (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУКМ, 2012.
2. *Назіна І.Д.* Беларускія народныя музычныя інструменты. — Мінск, 1997.
3. *Рэмішэўскі К.* Традыцыйная культура беларусаў у кіналетпісе 1930-х гадоў // Аўтэнтчны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання: зборнік навуковых прац удзельнікаў VI Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 27—29 красавіка 2012 г.) / БДУКМ; рэдкал.: М.А. Мажэйка. (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУКМ, 2012.
4. *Лажечников И.И.* Ледяной дом. — Минск: Нар. асвета, 1985.
5. *Без-Корнилович М.О.* Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии: справочное издание факсимильного типа. — Минск: Алвит, 1995.
6. *Песні і танцы беларускага народа* // Киножурнал «Советское искусство». — 1939. — № 7.